

Н е х л ю д о в ь.

Въ повѣсти «Утро помѣщикъ» мы встрѣчаемся уже съ 19-лѣтнимъ Иртеньевымъ, который, впрочемъ, теперь выставленъ гр. Толстымъ подъ именемъ Нехлюдова.

«Моральный порывъ», которымъ закончилась «Юность» Иртеньева, выразился въ Нехлюдовѣ стремленіемъ, покинувъ университетскую скамью и прекративъ прежнія знакомства и связи, отдаться благу принадлежащихъ ему мужиковъ въ его имѣніи. Благодарный трудъ представлялся 19-лѣтнему идеалисту и мечтателю—«дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа»!... «Какая блестящая счастливая будущность!» думалъ онъ. И вотъ онъ опять начинаетъ мечтать на эту тему, какъ мечталъ объ иныхъ предметахъ въ «Юности»; и какъ тамъ онъ ежемѣсячно изъ *бѣленькой* отдаетъ два съ полтиной бѣднымъ, такъ и здѣсь онъ благодѣтельствуетъ уже собственнымъ мужикамъ, даетъ имъ довольство, проливаетъ на нихъ образованіе, коимъ самъ пользуется, исправляетъ пороки, порожденія суевѣрія и невѣжества... И продолжая мечтать такъ, онъ какъ и въ «Юности» незаметно «сползаетъ» къ *ней*, къ мечтанію о ней и любви, но уже не отворачивается отъ эстетической, чувственной красоты нарисованнаго воображеніемъ образа, не говоритъ, что это «грѣхъ», а, на-

емъ у Нехлюдовыхъ онъ не стыдится глать самымъ нахальнымъ образомъ, хвастаясь связями и родственными богатствами, чтобы возвыситься въ глазахъ собесѣдниковъ. «Когда вышелъ разговоръ о дачахъ—говоритъ онъ,—я вдругъ разсказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотреть изъ Лондона и Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которая стоитъ 380,000 р., и что князь Иванъ Ивановичъ мнѣ очень близкій родственникъ, и я нынче у него обѣдалъ, и онъ звалъ меня непременно пріѣхать къ нему на дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто, но что я отказался, потому, что знаю хорошо эту дачу, нѣсколько разъ бывалъ на ней и что всѣ эти рѣшотки и мосты для меня нисколько незанимательны, потому что я терпѣть не могу роскоши, особенно въ деревнѣ» и т. д.